

домости“, подъ редакціей В. О. Корша, не шли ни на одинъ шагъ дальше, чѣмъ „Русскій Вѣстникъ“ конца пятидесятихъ годовъ,—а между тѣмъ онѣ сразу навлекаютъ на себя со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“¹⁾ обвиненія самаго рѣзкаго свойства. Подъ ударами московской газеты погибаетъ, весной 1863 г., такой журналъ, какъ „Время“, за такую статью, какъ „Роковой вопросъ“ г. Страхова. Съ тѣхъ поръ обвинительное усердіе Каткова уже не оскудѣваетъ, постоянно вызывая къ репрессіи, постоянно вторгаясь въ сферу дѣйствій полицейской и карательной власти. Нельзя не вспомнить, по этому поводу, о покойномъ редакторѣ „Руси“. Никогда не отступавшій отъ своей наслѣдственной доктрины, съ самаго начала до самаго конца безповоротно остававшійся правовѣрнымъ славянофиломъ, Аксаковъ имѣлъ гораздо больше правъ на исключительность и нетерпимость—и далеко не былъ отъ нихъ свободенъ; но онъ весьма рѣдко доводилъ ихъ до крайностей, на каждомъ шагѣ встречающихся у Каткова. Заподозриваніе противниковъ пускалось въ ходъ и Аксаковымъ, но только въ критическіе моменты, когда онъ терялъ самообладаніе и чувство мѣры; въ рукахъ Каткова оно было орудіемъ будничнымъ, зауряднымъ. Аксаковъ могъ думать, что истина одна для всѣхъ и для всѣхъ очевидна, потому что онъ всегда считалъ за истину одно и то же; для Каткова правда пятидесятихъ годовъ была неправдой въ шестидесятихъ—и все-таки онъ хотѣлъ, чтобы его новая правда тотчасъ же стала правдой для всѣхъ и каждого... За главнымъ поворотомъ въ образѣ мыслей Каткова послѣдовалъ цѣлый рядъ второстепенныхъ—второстепенныхъ по важности, но отнюдь не по стремительности и рѣзости. Изъ рядовъ фритредеровъ онъ переходилъ въ ряды протекціонистовъ, изъ защитниковъ суда присяжныхъ и земскаго самоуправленія становился панегиристомъ старыхъ судебныхъ и административныхъ порядковъ; сегодня онъ отстаивалъ союзъ съ Германіей, завтра — сближеніе съ Франціей. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ внѣшней политики его застигла смерть; отсюда странное зрѣлище французовъ, преклоняющихся передъ памятью Каткова — французовъ, которыхъ еще такъ недавно систематически топтали въ грязь „Русскій Вѣстникъ“. Само собою разумѣется, что въ основаніи этого недоразумѣнія лежало просто недостаточное знакомство съ дѣятельностью Каткова. Теперь серьезные органы французской печати, — напр. „Journal des Débats“ — говорятъ о немъ уже совершенно иначе.

¹⁾ Переходъ „Московскихъ Вѣдомостей“ подъ редакцію Каткова совершился въ одно время съ переходомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ подъ редакцію Корша, т.-е. 1-го января 1863 г.